

ЛЮБОВЬ
КОРОЛЕЙ

Фаллиа
ГРЕГОРИ

БЕЛАЯ
КОРОЛЕВА

МОСКВА
2020

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Г79

Philippa Gregory

THE COUSINS WAR TRILOGY#1: THE WHITE QUEEN

Copyright © 2009 by Philippa Gregory Limited
Originally published by Touchstone, a Division of Simon & Schuster, Inc.

Перевод с английского *Ирины Тогоевой*

Художественное оформление *Сергея Власова*

В коллаже на обложке использованы фотографии:
© Kiselev Andrey Valerevich, MorganStudio / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Грегори, Филиппа.

Г79 Белая королева / Филиппа Грегори ; [перевод с английского И. Тогоевой]. — Москва : Эксмо, 2020. — 512 с. — (Любовь королей).

ISBN 978-5-04-113154-8

Единственный раз английский монарх женился на своей подданной. И это была Елизавета Вудвилл, жена Эдуарда IV, которой не было равной по красоте в Британии. Поскольку невеста происходила не из знатного рода, венчание было тайным.

Жизнь женщины при дворе всегда непроста. А в эпоху братоубийственной войны Алой и Белой розы — непроста вдвойне. Елизавета Вудвилл, Белая королева, пережила счастье и горе, разлуку и воссоединение, предательство и любовь. И обо всем этом увлекательно и подробно рассказала в своем романе Филиппа Грегори.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-113154-8

© Тогоева И., перевод на русский язык, 2020
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

СРАЖЕНИЯ ВОЙНЫ АЛОЙ И БЕЛОЙ РОЗЫ

Дома Йорков, Ланкастеров
и Тюдоров иесной 1464 года

Пробираясь сквозь заросший старый парк, молодой рыцарь услышал плеск воды в фонтане задолго до того, как увидел и мраморный бассейн, и блеск лунных лучей на почти неподвижной воде. Он рванулся было вперед, мечтая окунуть голову в воду и напиться ее живительной прохладой, как вдруг заметил в глубине темное движущееся пятно. От неожиданности рыцарь затаил дыхание. В глубокой чаше фонтана снова и снова мелькала зеленоватая тень, напоминающая то ли огромную рыбу, то ли утопленника. Затем тень распрямилась, поднялась во весь рост, и перед рыцарем предстала купальщица, пугающе прекрасная в своей наготе. По телу женщины струилась вода, кожа ее казалась белее даже белого мрамора чаши фонтана, а ее мокрые волосы были черны как ночь.

То явилась фея Мелюзина, водяное божество; ее часто можно встретить у источника в глубине леса, у озера или водопада в любой стране христианского мира, даже столь далекой, как Греция, а порой она купается в мавританских ручьях и фонтанах. Правда, в северных странах Мелюзина известна под другим именем; зимой на тамошних озерах трескается лед, когда она встает в полный рост. Мелюзину может полюбить смертный мужчина, но ему придется хранить ее тайну и время от времени позволять ей плавать в полном одиночестве. И Мелюзина будет любить своего избранника, но только до тех пор, пока

он не нарушит данного слова — а ведь мужчины часто так поступают. Если подобное случится, Мелюзина, взмахнув мощным рыбьим хвостом, увлечет предавшего ее возлюбленного на глубину и превратит его кровь в воду.

Суть трагической истории Мелюзины, на каком бы языке и под какую бы музыку ее ни исполняли, в том, что мужчина неизменно обещает женщине, которую и понять-то порой не в силах, гораздо больше, чем способен дать.

Весна 1464 года

Мой отец — сэр Ричард Вудвилл, барон Риверс, английский аристократ, землевладелец и сторонник законных правителей Англии, то есть Ланкастеров. Моя мать из рода герцогов Бургундских, в жилах которых, как известно, течет водянистая кровь богини Мелюзины, праматери этого знатного семейства, некогда вышедшей замуж за очарованного ею герцога. Мелюзину и теперь можно видеть над крышами замка в периоды особых бед и осложнений; она горестно выкрикивает предостережения, когда, к примеру, в семье умирает сын и наследник и род обречен на угасание. Во всяком случае, так утверждают те, кто верит в подобные вещи.

При почти полном противоречии характеров моих родителей — солидном, земном характере отца-англичанина и переменчивом, независимом характере матери-француженки, унаследованном ею от богини вод, — я, пожалуй, могла бы стать кем угодно: от опасной волшебницы до весьма заурядной особы. Кое-кто, правда, считает, что во мне прекрасно уживается и то и другое.

В тот день я с особой тщательностью расчесала и уложила свои густые волосы и спрятала их под самым высоким головным убором. Затем я взяла за руки двух своих сыновей-сирот и вышла на обочину дороги, ведущей в Нортгемптон, мечтая лишь об одном: быть совершенно неотразимой — я отдала бы за это все, что мне только сулила судьба.

Мне просто необходимо было привлечь внимание одного молодого человека, ехавшего на очередную битву, причем на

битву с поистине непобедимым врагом. Этот молодой человек, кстати, вполне мог меня и не заметить. На попрошайек он обычно внимания не обращал, к тому же в столь ответственный момент ему явно было не до легкомысленного флирта. Мне предстояло не только пробудить в нем сострадание к моему бедственному положению и насущным нуждам, но и остаться в его памяти, причем на такой срок, чтобы он успел хоть что-нибудь для меня сделать. А между тем этого молодого человека каждую ночь поджидали объятия множества прекрасных женщин, и на каждую дарованную им должность имелось не менее сотни претендентов.

Этот узурпатор и тиран являлся моим личным врагом и сыном моего врага, но в тот момент я совершенно об этом не думала и не собиралась хранить верность кому бы то ни было, кроме своих сыновей и самой себя. С этим человеком мой отец сражался под Таутоном¹, и ныне этот человек называл себя королем Англии, хотя по большому счету был всего лишь хвастливым мальчишкой. Впрочем, мой отец составил о нем несколько иное мнение. Отец вернулся из-под Таутона совершенно сломленным; никогда в жизни я не видела человека более удрученного; правый рукав его рубахи насквозь пропитался кровью, а лицо было белым как мел. Отец тогда сказал, что этот мальчишка оказался великим полководцем, что таких полководцев нам еще видеть не доводилось, а потому дело наше проиграно, и, если этот мальчишка останется жив, никакой надежды нет, ведь армия под его командованием положила под Таутоном тысяч двадцать. Никогда прежде Англия не знала столько павших в одном бою. По словам моего отца, это было даже не сражение, а настоящая жатва смерти. Во время битвы полегло множество

¹ Битва при Таутоне (1461) — самое кровопролитное сражение войны Алой и Белой розы, произошедшее близ Йорка. Закончилась сокрушительным поражением ланкастерцев. По свидетельствам хронистов, в ней участвовало более ста тысяч человек. После этой битвы Эдуард IV, коронованный в 1461 г., но некоторое время правивший страной одновременно с Генрихом VI, впервые почувствовал себя полноправным властелином, сумев также отомстить дому Ланкастеров за казнь своего отца Ричарда Йорка. — *Здесь и далее примечания переводчика.*

родственников и сторонников Ланкастеров, а законный король Генрих VI и его супруга, королева Маргарита Анжуйская, потрясенные гибелью своего войска, бежали в Шотландию.

Но те из нас, их сторонников, кто еще оставался в Англии, сдаваться не собирались. Борьба продолжалась, сопротивление этому лжекоролю, этому мальчишке из династии Йорков, росло. Три года назад, когда погиб мой муж, командуя кавалерией во время сражения при Сент-Олбансе¹, я стала вдовой. А земли и состояние, которые, как я полагала, принадлежали мне по праву, отняла свекровь, причем с соизволения одного из победителей — человека, который управлял молодым Йорком и считался поистине великим кукловодом, настоящим «делателем королей». Да, это был он, Ричард Невилл, граф Уорик! Это он сделал королем никчемного двадцатидвухлетнего мальчишку, а для тех, кто по-прежнему защищал интересы дома Ланкастеров, он намеревался превратить Англию в настоящий ад.

Теперь в каждом знатном доме имелись свои йоркисты, и любое приносящее доход дело, любая должность или налог — всё находилось в их руках. На английском троне сидел их мальчишка-король, сделавший новыми придворными тех, кто его поддерживал. А мы, потерпев поражение, стали нищими у себя дома, чужими в родной стране, наш король оказался в изгнании, а королева, полная мстительных планов, вступила в союз с нашим старым врагом Францией и плела интриги. Нам же, оставшимся в Англии, приходилось как-то договариваться с этим молодым тираном, с этим отпрыском Йорков, и молиться, чтобы Господь обрушил на него свой праведный гнев, позволив нашему законному королю собрать армию, устремиться с ней на юг и нанести узурпатору последний и решающий удар.

Мне же, как и любой другой женщине, у которой погиб муж, а отец оказался среди побежденных и раненых, приходилось

¹ Имеется в виду сражение при Сент-Олбансе (1461), которое ланкастерцы во главе с королевой Маргаритой Анжуйской выиграли. Однако же было и еще одно сражение при Сент-Олбансе, в 1455 г., когда ланкастерцы проиграли; это сражение, как считается, и положило начало войне Алой и Белой розы; розы эти являлись соответственно символами династий Ланкастеров и Йорков.

прямо-таки по кусочкам, точно лоскутное одеяло, собирать свою жизнь. Необходимо было как-то отвоевать свое состояние, и ни соратники, ни друзья моего мужа никакой помощи оказать не могли. Все мы теперь считались предателями. Я отлично понимала: придется мне самой защищать себя, отстаивать свои права перед мальчишкой, который столь мало уважает правосудие, что осмелился пойти войной на собственного кузена, законного правителя страны, помазанного на царство. Разве можно что-то объяснить такому дикарю? Да и как добиться от него понимания?

Мои сыновья — Томас, которому уже исполнилось девять, и восьмилетний Ричард — были одеты в свои лучшие платья, их волосы я обильно смочила водой и тщательно пригладила, их лица, несколько раз вымытые с мылом, так и сияли чистотой. Я крепко держала сыновей за руки, стараясь никуда от себя не отпускать, поскольку они, как и всякие мальчишки, прямо-таки притягивали к себе грязь. Стоило мне отвлечься хоть на мгновение, с ними тут же происходили всевозможные неприятности: один начинал топтать башмаками по лужам, второй разбивал себе нос, или оба сразу ухитрялись посыпать себе головы трухой из опавших листьев и выпачкать физиономии. Томас к тому же вполне мог и в ручей упасть. Этого мне только не хватало! Я решила держать их при себе; от скуки они то и дело подпрыгивали на одной ноге. Постоять спокойно они могли лишь пару минут, после того как я в очередной раз говорила: «Тихо! По-моему, я слышу топот копыт».

Когда топот действительно раздался, мне сначала показалось, что это всего лишь стук дождевых капель. Но потом земля задрожала, точно от грома небесного, и грохот стал поистине оглушительным. Позвякивала сбруя, плескались и хлопали на ветру боевые знамена, бряцали оружие и доспехи, шумно дышали и фыркали лошади. Звуки, запахи, топот сотен лошадей, которых гнали быстрым аллюром, — все это попросту ошеломляло, и хотя я твердо решила, что вот сейчас выйду вперед и заставлю их всех остановиться, я ничего не могла с собой поделать и испуганно отшатнулась. Господи, подумала я, каково же

воинам на поле боя, когда прямо на них летит во весь опор такая вот конница с выставленными вперед копытами? Как может обычный человек противостоять натиску этой ожившей стены из конских копыт, оскаленных морд и оцетинившихся копий?

Томас, первым разглядев обнаженную белокурую голову в центре яростно наступавшего на нас войска, крикнул «Ура!» — так прореагировал бы любой мальчишка при виде столь могущественной кавалерии. Хозяин белокурой головы, услышав пронзительный возглас моего сына, обернулся и натянул поводья. Он увидел нас на обочине дороги и во все горло заорал: «Стой!» Его конь так резко затормозил, что не только встал на дыбы, но даже присел на задние ноги, стараясь не упасть. Вся великолепная кавалькада вдруг замерла, проклиная внезапную помеху. И сразу все смолкло, лишь пыль вилась клубами над дорогой и вокруг нас.

Конь белокурого всадника фыркал и тряс головой, но сам всадник в своем высоком седле сидел недвижно и смотрел на меня, а я — на него. Вокруг было так тихо, что я слышала, как в ветвях дуба у меня над головой щебечет дрозд. Ах, как он щебетал! Боже мой, его серебристый голос звучал, словно голос самой славы, победы и радости жизни! Никогда прежде я не замечала, что песнь этой птицы так напоминает гимн счастью!

Держа сыновей за руки, я сделала шаг вперед и уже открыла рот, собираясь молить за себя и своих мальчиков, но вдруг в самый решающий момент будто утратила дар речи. В том, что касается устных просьб, у меня имелось достаточно опыта. Я даже приготовила небольшой текст, но фразы отчего-то не шли с языка, голова была совершенно пустой, и казалось, что слова не нужны вовсе. Я просто глядела на мужчину и чувствовала, что он все-все понимает: и мой страх перед будущим; и мои надежды на сыновей, хотя у меня совершенно нет денег, чтобы эти надежды воплотить; и то, как невыносима мне жалость отца, из-за которой мне не под силу оставаться с ним под одним кровом; и то, как ночами мне холодно и одиноко в постели; и то, как страстно я мечтаю родить еще детей; и то, что я охвачена ужасным ощущением: моя жизнь кончена. Го-

сподь милосердный, думала я, мне ведь всего двадцать семь, но я лишилась в сражении мужа и оказалась в числе потерпевших сокрушительное поражение. Неужели и мне суждена участь одной из тех многочисленных и несчастных вдов, которым верная дорога до конца дней своих быть у кого-то приживалкой, греться у чужого очага и старательно изображать из себя добрую гостью? Неужели меня никто никогда не поцелует? Неужели я никогда больше не испытаю ни капли радости? Неужели не видеть мне счастья?

А птица в ветвях дуба все пела и пела, словно пытаюсь сказать, что радости и счастья совсем нетрудно добиться, если действительно этого желаешь.

Белокурый воин подал знак одному из соратников — мужчине чуть старше себя. Тот с готовностью исполнил приказание — обернувшись к войску, прорычал какую-то команду, и все всадники развернули коней и стали съезжать с дороги в тень, под деревья. А сам король — белокурый воин и был королем Эдуардом IV — спрыгнул со своего огромного жеребца и, бросив кому-то поводья, направился напрямик ко мне и моим сыновьям. Я всегда считала себя довольно высокой, но ему я оказалась по плечо; в нем наверняка было больше шести футов. Мальчишки мои задирали головы и вытягивали шеи, стараясь заглянуть в лицо королю; им он, наверное, казался настоящим великаном. Внешность у Эдуарда IV была на редкость приятной: светлые волосы, серые глаза, открытое загорелое лицо, обаятельная и весьма доброжелательная улыбка. Такого короля Англия еще не видела; про таких людей говорят, что в них нельзя не влюбиться. Смотрел он прямо на меня, словно я знала некую тайну, а ему страшно хотелось ее разгадать; и мне отчего-то казалось, что мы с ним давным-давно знакомы. Я чувствовала, как под его взглядом начинают гореть мои щеки, но глаз от него отвести не могла.

Скромной женщине в нашем мире при общении с мужчиной полагается разглядывать носки своих башмаков, а уж если она о чем-то просит, следует еще и низко поклониться, умоляющим жестом вытянув перед собой руку. Я же гордо вы-

прямилась и, ужасаясь самой себе, пялилась на короля, словно невежественная крестьянка! Но я действительно не могла оторваться от этих светлых глаз и улыбки. Король, обжигая меня взглядом, спросил:

— Кто ты?

— Ваша милость¹, это моя мать, леди Елизавета Грей, — вежливо ответил ему мой сын Томас, стаскивая с головы шапку и преклоняя перед королем колено.

Второй мой сын, Ричард, тоже опустил на колено и пробормотал себе под нос:

— Кто это? Неужели король? Правда? Я таких высоких людей никогда в жизни не встречал!

Я села перед королем в глубоком реверансе, по-прежнему не отрывая от него глаз. Мало того, я смотрела на него таким откровенно горячим взглядом, какой женщина может дарить только обожаемому мужчине!

— Встань, — тихо, обращаясь только ко мне, сказал Эдуард. — Так ты, значит, вышла на дорогу, чтобы повидаться со мной?

— Мне нужна ваша помощь, — ответила я.

С огромным трудом я заставила себя произнести хотя бы эти несколько слов. Мне казалось, что не только на него, но и на меня подействовало то любовное зелье, которым моя мать пропитала шарф, ниспадавший с моего высокого головного убора.

— Я овдовела и теперь не могу получить обратно те земли, которые полагались мне в качестве приданого, но были у меня несправедливо отняты. Не могу я получить и вдовью часть своего наследства... — Я запнулась, заметив заинтересованную улыбку Эдуарда, и добавила: — Да, я теперь вдова. И мне совершенно не на что жить.

— Вдова?

— Мой муж, сэр Джон Грей, погиб при Сент-Олбансе, — сообщила я.

¹ В описываемый период подобное обращение к королю было вполне приемлемым и распространенным наряду с обращением «ваше величество», которое стало обязательным несколько позже.

Это было все равно что признаться Эдуарду в предательстве и навлечь его проклятие на моих сыновей. Разумеется, Эдуард прекрасно знал имя того, кто командовал вражеской кавалерией. Я закусила губу, но все же не отступила и продолжила:

— Отец моих сыновей просто исполнял свой воинский долг, ваша милость; он всего лишь остался верен тому человеку, которого считал своим королем. И мои дети ни в чем не виноваты.

— То есть он оставил тебе этих двух мальчиков? — Король улыбнулся и сверху вниз посмотрел на моих сыновей.

— Да, ваше величество, — подтвердила я. — И они главное мое богатство. Этого зовут Ричард Грей, а этого — Томас Грей.

Эдуард кивнул. Мальчики глазели на него, как на чистопородного скакуна, слишком крупного, чтобы у них хватило смелости его приласкать, но вызывавшего восторг, смешанный со страхом. Король снова посмотрел на меня.

— Страшно хочется пить. Ваш дом, надеюсь, где-то неподалеку? — спросил он.

— Да, ваша милость. Для нас было бы большой честью...

Я бросила опасливый взгляд на сопровождавших его гвардейцев, которых было, пожалуй, не меньше сотни. Эдуард негромко рассмеялся.

— Мои люди могут продолжать путь, — пояснил он. Затем обратился к тому воину средних лет: — Ты, Гастингс, ступай с войском дальше, в Графтон, а я вскоре вас нагоню. Со мной могут остаться Смоллетт и Форбс. Буду примерно через час.

Сэр Уильям Гастингс изучал меня с таким видом, словно я — всего лишь хорошенькая ленточка в корзине бродячего торговца. Впрочем, я глаз не отвела и даже не моргнула, а глядела прямо на него, так что ему в итоге пришлось снять шляпу и поклониться. Затем он отсалютовал королю и отдал войску приказ трогаться.

— Куда же вы направитесь? — осведомился сэр Уильям у короля.

Тот, словно мальчишка, вопросительно на меня посмотрел, а я гордо произнесла:

— В дом моего отца, барона Риверса, сэра Ричарда Вудвилла!

Я прекрасно понимала, что королю известно это имя, поскольку мой отец занимал весьма высокое положение при дворе Ланкастеров, отважно за них сражался и однажды даже лично получил от Йорка тяжкое проклятие, когда кузены схватились за кинжалы и поранили друг друга, а отец вмешался и предотвратил дальнейшее кровопролитие. Вообще-то мы все довольно много знали друг о друге, однако стали понемногу забывать, что и Йорки, и Ланкастеры некогда были верны одному королю — Генриху VI — и лишь потом стали считать друг друга предателями.

Сэр Уильям, услышав, какое неожиданное место выбрал король для своего краткого отдыха, недоуменно поднял бровь.

— Сомневаюсь, Эдуард, что тебе захочется там особенно задерживаться, — неприязненным тоном проговорил он и тут же отъехал.

Конница двинулась дальше, они прошли мимо нас, и земля вновь задрожала от топота копыт. Наконец они скрылись из виду, оставив нас в тишине и клубах теплой оседающей пыли. Не выдержав, я запальчиво заявила:

— Между прочим, ваше величество, отец мой после Таутона получил ваше прощение! Ему даже титул восстановили!

— Я хорошо помню твоих родителей, и отца и мать, — спокойно сказал король. — Я их с детства знал и часто видел — как в добрые, так и в недобрые времена. Меня лишь одно удивляет: почему они не познакомили нас раньше?

Я с трудом сдержалась, чтобы не захихикать, как горничная. Всем в Англии было известно, что король Эдуард славится своим мастерством соблазнителя. Ни один родитель в здравом уме не допустил бы его знакомства со своей дочерью.

— Не желаете ли прогуляться пешком, ваша милость? — спросила я. — Наш дом совсем близко.

— Хотите прокатиться, мальчишки? — обратился Эдуард к моим сыновьям, и те дружно закивали, точно утята, требующие еды. — Забирайтесь-ка оба в седло. — Он посадил на коня